

ГЛАВА 7. ИЮНЬ II

1

Мидзуно-сан умерла.

Эту новость я узнал вечером того же дня, и меня словно по голове ударило. До того мне удалось выяснить только, что в больнице произошло какое-то ЧП, но я еще раньше стал готовиться к худшему.

Ее звонок на большой перемене...

Не приходилось сомневаться, что с Мидзуно-сан что-то случилось. Я раз за разом набирал ее номер, но дозвониться никак не получалось. В итоге, лишенный всякой возможности узнать, что именно произошло, я провел несколько часов, не находя себе места от тревоги.

– Мидзуно-сан? Та молоденькая медсестра?

Бабушка, когда услышала, тоже явно была в шоке. Она несколько раз встречалась с Мидзуно-сан в апреле, когда я лежал в больнице.

– Мидзуно... Санаэ ее звали? Вы с ней так хорошо ладили. Беседовали о твоих книжках...

– Кажется, я тоже как-то раз видела ее в больнице. Когда я зашла тебя навестить, она...

У Рейко-сан был очень подавленный вид. После ужина она приняла те же таблетки, что и вчера. Похоже, у нее опять разболелась голова.

– Она была такая молодая, – грустно сказал я. – Хоть бы ее младшие братья это перенесли.

– У нее были братья? – спросила бабушка.

– Один из них в моем классе, – ответил я. – Его зовут Такеру-кун.

– Господи, – у бабушки округлились глаза. – Какой ужас. В твоем классе ведь совсем недавно с девочкой несчастный случай произошел?

Я, задумавшись, свел брови. В висках пульсировало.

– Сказали, что в больнице тоже был несчастный случай... Что бы это могло быть...

Никто мне не ответил.

Но тот кошмарный звук, который я слышал в трубке на большой перемене, продолжал звучать у меня в ушах. И стон Мидзуно-сан, тонущий в помехах.

Не в силах этого вытерпеть, я зажмурил глаза.

Может, рассказать им прямо сейчас, что было на большой перемене? Если подумать – у меня просто нет причин колебаться... и все же.

Я им не рассказал. Нет – не смог рассказать. Думаю, это потому, что в глубине души я чувствовал что-то вроде вины и никак не мог избавиться от этого чувства.

- Ааа, аа, - неожиданно произнес своим старческим голосом дедушка, до сих пор сидевший тихо. Он прижал руки к бесцветной, морщинистой коже лба. - Когда человек умирает, всегда проходят похороны. Я не хочу... не хочу больше ходить на похороны.

Может, завтра плохой день, может, еще что, но отпевание назначили на послезавтра, а похороны, соответственно, на послепослезавтра[1], на субботу. Суббота? А, да... 6 июня.

«Кстати, ты смотрел «Омен»?»

Я отчетливо вспомнил разговор с Мидзуно-сан в ресторанчике. Это было всего лишь вчера.

«Нам обоим следует быть осторожнее. Особенно надо остерегаться несчастных случаев, которые обычно не происходят».

А теперь она мертва.

Послезавтра отпевание, на следующий день похороны. Все это казалось таким нереальным. Сейчас я испытывал лишь потрясение. Эмоции - печаль и другие - до меня пока что не добрались.

- ...Не хочу больше ходить на похороны.

Я услышал, как дедушка медленно повторил ту же фразу, и слово «похороны» оставило что-то вроде грязного пятна в моем сердце. Тут же вокруг этого места начала медленно вращаться черная воронка, и наконец - как бы это выразить словами? - меня окружило странное низкое гудение.

Я снова зажмурился. И что-то в моем сознании застыло.

2

На следующий день, 4 июня, гнетущая атмосфера заполнила кабинет класса 3-3 с самого начала.

Такеру, младший брат Мидзуно-сан, не пришел. К концу второго урока по классу уже разошелся слух, что он отсутствует из-за внезапной смерти старшей сестры. А в самом начале третьего урока (это был японский язык) Кубодера-сэнсэй в открытую сказал, что это правда.

- Вчера со старшей сестрой Мидзуно-куна произошел несчастный случай...

Внезапно кабинет охватила странная, удушливая тишина. Как будто воздух затвердел и дыхание всех до единого учеников разом остановилось...

И, что хуже всего, ровно в этот момент в класс вошла Мей Мисаки.

Даже не подумав извиниться за опоздание, не выказывая ни намека на стыд, она молча направилась к своему месту. Я провожал ее глазами, и в груди у меня ворочалось беспокойство. Потом я переключил внимание на реакцию остального класса.

Ни одна голова не повернулась к Мей. Все взгляды были жестко, почти неестественно устремлены вперед. И Кубодера-сэнсэй - он тоже не взглянул на Мей, не обратился к ней. Как будто...

Да - как будто просто не было в классе ученицы по имени Мей Мисаки. Как будто она не

существовала.

Когда урок японского закончился, я быстро встал и подошел к Мей.

– На минуту, – бросил я и, взяв ее за руку, потащил в коридор. Не обращая внимания, слушает нас кто-нибудь или нет, я спросил: – Ты слышала, что произошло с Мидзуно-сан?

– Что? – Мей склонила голову набок; явно до сих пор она ничего не знала. Глаз, не скрытый под повязкой, недоумевающе заморгал.

– Она умерла. Старшая сестра Мидзуно-куна вчера умерла.

Мне показалось, что от изумления цвет на миг вернулся к ее лицу. Но тут же исчез обратно.

– ...Понятно, – в голосе ее не было ни тени эмоций. – Она болела? Или это был несчастный случай, или что-нибудь еще?

– Сказали, что несчастный случай.

– ...А.

Возле двери кабинета собралась кучка одноклассников. Там были парни и девчонки, которых я знал по именам, но с которыми до сих пор толком не общался. Накао, Маэдзима, Акадзава, Огура, Сугиура... там и Тэсигавара тоже был. Со вчерашней большой перемены он мне не сказал ни слова.

Я знал, что они все украдкой поглядывают на нас. Словно наблюдая со стороны, как разворачиваются события.

Неужели?.. Вот сейчас эту мысль уже надо рассмотреть всерьез.

Неужели они все видят только меня?

И –

Когда начался следующий урок, Мей в классе не было. Естественно, все это проигнорировали.

Как только настало время большой перемены, я подошел к парте Мей, последней в ряду у окон, и осмотрел ее.

Деревянная парта, отличающаяся по виду от остальных. И стул от этой парты – такой же. Как будто ими пользовались десятки лет. Невероятно старые парта и стул.

Почему так, спросил я себя. Почему только лишь парта Мей такая?

Решив не обращать внимания на взгляды одноклассников, я сел на ее место. Поверхность парты была вся исцарапанная и неровная. Сильно сомневаюсь, что здесь можно нормально писать, скажем, на экзамене, если только не подложить что-нибудь под лист.

Помимо царапин, парта была еще и исписана.

Большинство надписей были старыми – чертовски старыми, – как и сама парта. Часть была сделана карандашом, часть ручкой. Часть вырезана – возможно, иглой циркуля. Некоторые надписи уже почти исчезли, другие оставались с трудом, но различимы. И среди них –

Мой взгляд прилип к словам, написанным, судя по всему, совсем недавно.

Они были у правого края парты, написанные синей ручкой. Определить их автора по почерку было совершенно нереально, но, едва их увидев, я тут же понял, что это Мей.

«Кто мертвый?»

Вот что там было.

3

– ...Интересно, как Миками-сэнсэй себя чувствует? – задал риторический вопрос Юя Мотидзуки, сидящий рядом со мной за рабочим столом. – Неужели ей так плохо? Вчера она выглядела совсем никакой...

По расписанию пятым уроком было рисование с Миками-сэнсэй, но ее самой в кабинете на первом этаже нулевого корпуса пока не было.

Когда прозвенел звонок, в класс вошел другой учитель.

– Миками-сэнсэй сегодня не придет.

Потом он будничным тоном сообщил, что сейчас у нас будет самостоятельное занятие, и предложил каждому нарисовать карандашом собственную кисть руки. Задание было совершенно неинтересным, и, как только учитель вышел, со всех сторон донеслись апатичные вздохи. Вполне естественная реакция.

Я открыл альбом, после чего – в конце концов, какая разница? – положил левую руку на стол и принялся разглядывать. Но, откровенно говоря, моя мотивация была практически на нуле. Знал бы заранее – прихватил бы книжку. Хотя читать Кинга, Кунца или Лавкрафта я тоже был не в настроении.

Кинув взгляд на Мотидзуки, фаната Мунка, я обнаружил, что он совершенно не собирается рисовать руку. Но альбом был открыт не на чистом листе – Мотидзуки работал карандашом над полузавершенным рисунком. Потихоньку приглядевшись, я увидел, что он рисовал женщину, похожую на Миками-сэнсэй.

Да что с ним такое? Я чуть не брякнул это вслух.

Он что, правда в нее влюбился? Вот этот пацанчик? В учительницу, которая как минимум на десять лет его старше? ...Ну, вообще-то это твое личное дело, приятель.

Тем не менее у меня уже было сумбурное настроение, когда я слушал его бормотание насчет Миками-сэнсэй, и...

– ...Не, не может быть, – произнес Мотидзуки и вдруг повернулся ко мне. – Слушай, Саакибара-кун...

– Ч-чего?

– А у Миками-сэнсэй нет какой-нибудь смертельной болезни?

– Э? Аа... – своим вопросом он полностью застиг меня врасплох. Все, что я смог, – без эмоций ответить: – Не, конечно, нет.

- Наверное, ты прав, - в голосе Мотидзуки звучало нескрываемое облегчение. - Нет, ты точно прав. Ничего такого у нее быть не может. Угу, угу.

- Ты так сильно беспокоишься?

- Ну... понимаешь, Сакураги-сан и ее мама совсем недавно умерли, а теперь еще и сестра Мидзуно-куна. И я подумал...

- Думаешь, это как-то связано? - я ухватился за возможность, которую он мне предоставил. - Сначала Сакураги, потом Мидзуно-сан; допустим на минуту, что что-то случится с Миками-сэнсэй. Ты хочешь сказать, что это все как-то связано? Что есть что-то общее?

- Ну... это...

Мотидзуки начал было отвечать, но тут же смолк. Отвел глаза, будто избегая моего вопроса, и беспомощно вздохнул. Блин, даже этого пацанчика что-то заткнуло и не дало рассказать мне то, что я хотел узнать.

Я подумал, что, может, стоит нажать на него посильнее, но отказался от этой идеи и сменил тему.

- Как дела в кружке рисования? Сколько у вас сейчас народу?

- Всего пятеро... - вздохнул Мотидзуки, и его взгляд снова метнулся ко мне. - Хочешь вступить?

- ...Ну уж нет.

- Тебе правда стоит.

- Если агитируешь, про меня забудь. Как насчет Мисаки?

Я это нарочно сказал, чтобы его поддавить. Мотидзуки среагировал в точности так, как я от него ожидал, - зашлепал губами, замолчал и снова отвел глаза. Он даже не дышал.

- Она классно рисует, - продолжил я как ни в чем не бывало. - Я видел кое-какие штуки в ее альбоме.

Да - это было в дополнительной библиотеке. Когда я проходил мимо вместе с Мотидзуки и Тэсигаварой после урока рисования...

Рисунок красивой девушки с шарнирными суставами, как у куклы.

«В самом конце я собираюсь дать этой девочке большие крылья». Так мне тогда сказала Мей. Интересно, она их уже пририсовала или нет?

Я махнул рукой на Мотидзуки, который по-прежнему упорно смотрел в сторону и не пытался даже слово в ответ сказать. Свой альбом я захлопнул. С начала пятого урока прошло всего полчаса, но заниматься этой «самостоятельной работой» мне совершенно не хотелось.

- Ты куда? - спросил Мотидзуки, когда я встал со своего места.

- В библиотеку. Дополнительную, - я нарочно ответил коротко. - Надо посмотреть кое-что.

Сказав Мотидзуки, что мне надо кое-что посмотреть в дополнительной библиотеке, я почти не покривил душой. «Почти» – потому что я чуть-чуть, самую малость надеялся встретить там Мей. Но этой надежде не суждено было сбыться.

Библиотека вообще пустовала. Если не считать библиотекаря Тибики за стойкой.

– А вот и знакомое лицо, – обратился он ко мне, пристально глядя сквозь линзы своих очков в черной оправе. Он опять был во всем черном и с теми же растрепанными волосами с проседью. – Саакибара-кун, пришедший к нам недавно. Класс три-три, не так ли? У меня не такая уж плохая память. Почему ты не на уроках?

– У нас рисование, и, ээ, учительницы нет, так что у нас самостоятельная работа, – объяснил я, и библиотекарь в черном не стал дальше вникать.

– Чем я могу помочь? – спросил он. – Сюда ученики редко заглядывают.

– Эмм, я хочу поискать кое-что, – снова принялся объяснять я, подходя к стойке, за которой он сидел. – У вас есть старые школьные фотоальбомы?

– О, школьные альбомы? Здесь у нас полный комплект.

– А их разрешено смотреть?

– Вполне.

– Тогда, эээ...

– Они вон там, – он наконец-то встал и вытянул руку. Показывал он на книжный шкаф у стены, отделяющей библиотеку от коридора, справа от входа. – На той полке; насколько я помню, в заднем ряду. Тебе, с твоим ростом, лестница вряд ли понадобится.

– А, ага.

– Какой год ты ищешь?

– Ну... – я запнулся совсем чуть-чуть. – Двадцать шесть лет назад... 1972 год.

– Семьдесят второй? – брови библиотекаря сошлись, и он строго посмотрел на меня. – Зачем тебе этот альбом?

– Ну, на самом деле... – изо всех сил стараясь сохранить душевное равновесие, я наконец дал безвредный ответ. – В том году моя мама закончила эту школу. А потом она, ээ, она умерла молодой, и у меня не очень много ее фотографий, и поэтому я, ну...

– Твоя мать? – лицо библиотекаря слегка помягчело. – Понятно. Хорошо. Но надо же, именно семьдесят второй, – последнюю фразу он пробормотал себе под нос. – Ты его найдешь легко. Но выносить этот альбом нельзя. Когда досмотришь, поставь туда же, где взял. Понятно?

– Да.

Через две-три минуты поисков я обнаружил и достал с полки нужный мне альбом. Положил его на большой стол и пододвинул стул. Потом, кое-как взяв под контроль сбившееся дыхание,

перевернул обложку с серебряной надписью «Северная средняя школа Йомиямы».

В первую очередь я стал разыскивать фотографию класса 3-3. И быстро обнаружил разворот с цветным групповым фото на левой странице и черно-белыми фотками учеников, разбитых на отдельные группки, на правой.

Тогда учеников было больше, чем сейчас. Сорок с лишним на класс.

Групповое фото было снято где-то вне школы. То ли на берегу реки Йомияма, то ли еще в каком-то похожем месте. Все были в зимней форме. Они улыбались, но я чувствовал в их улыбках некое напряжение.

Мама – где она?

Вряд ли я смогу ее отыскать, просто разглядывая лица. Придется смотреть на имена, подписанные под фотографией...

...Вот она. Вот.

– Мама... – вырвалось у меня.

Второй ряд, пятая справа.

Она была в темно-синем блейзере, в точности как у нынешней формы. С белой заколкой в волосах... и она улыбалась, как и все. С такой же, как у всех, тенью напряжения на лице.

Фотографию мамы времен средней школы я видел впервые. Меня поразило, какой молодой она здесь выглядела – совсем ребенком, фактически. Сделав поправку на возраст, я понял, что она действительно была очень похожа на Рейко-сан, свою младшую сестру.

– Нашел ее? – спросил библиотекарь.

– Да, – ответил я, не оборачиваясь, и вернул взгляд к списку имен под групповой фоткой. Я хотел проверить, есть ли там имя или фамилия «Мисаки». Но...

С чего бы ему там быть.

Мисаки умер или умерла весной, задолго до того, как начали готовить этот альбом. Так что этого имени там быть не могло.

– В каком классе училась твоя мать? – задал библиотекарь новый вопрос. Его голос прозвучал куда ближе, чем в прошлый раз. Удивленно обернувшись, я увидел, что он покинул свое место за стойкой и подошел ко мне вплотную.

– Ээ, это, мне сказали, что она была в классе три-три.

Брови библиотекаря вновь сошлись.

– Хм?

Опершись рукой о край стола, он заглянул в альбом.

– Где тут твоя мать?

- Вот, - показал я.

- Дай посмотрю, - библиотекарь поправил очки и нагнулся над альбомом. - А, Рицко-кун?..

- Ээ... это, вы ее знали?

- Мм... ну, понимаешь ли...

Библиотекарь, уклонившись от вопроса, отошел от стола. Потом понял, что я продолжаю смотреть на него, и встрепал волосы.

- Сын Рицко-кун. Подумать только...

- Мама умерла пятнадцать лет назад, вскоре после моего рождения.

- Понятно. Что означает... А. Да, понятно.

Я подавил желание спросить, что именно ему понятно, и вновь опустил взгляд на фотоальбом.

Второй ряд, пятая справа.

Я смотрел на мамино лицо, на ее улыбку с тенью напряжения, потом перевел взгляд на других учеников, и вдруг...

...Э?

Осознав кое-что, я моргнул. Привстал было со стула, но тут же сел обратно и пригляделся к альбому повнимательней. И как раз в этот момент -

- Вот ты где, Сакакибара-кун.

Эти слова произнес ученик, шумно отодвинувший дверь и вбежавший в библиотеку одновременно со звонком об окончании пятого урока. Томохико Кадзами.

- Тебя ищет Кубодера-сэнсэй. Он хочет, чтобы ты как можно скорее зашел в учительскую.

5

- Коити Сакакибара-кун, верно?

Этот вопрос задал мне один из двух незнакомых мне мужчин, сидевших в учительской - круглолицый, средних лет. Говорил он, я бы сказал, излишне успокаивающим тоном, однако же расспрашивал безо всякого стеснения.

- Вам известно, что произошло с Санаэ Мидзуно-сан, работавшей в городской клинике?

- ...Да.

- Вы хорошо ее знали?

- Она хорошо со мной обращалась, когда я лежал в больнице в апреле, так что...

- Вы с ней общались по телефону?

- Да, несколько раз.

- Вчера около часа дня она разговаривала с вами по мобильному телефону?

- ...Да.

Когда я зашел в учительскую в корпусе А, куда меня вызвал Кубодера-сэнсэй, меня ждали одетые в штатское сотрудники криминальной полиции Йомиямы – следователи, в общем. Два человека, как положено. В отличие от первого – средних лет, круглолицего и веселого на вид – второй был помоложе, с узким лицом и выступающей челюстью, в больших очках с темно-синей оправой; он здорово смахивал на стрекозу. Звали их Оба и Такеноти.

- Мы хотели бы задать вам несколько вопросов. Ваш учитель дал разрешение. Вы не возражаете?

Это сказал Такеноти несколько секунд назад – сразу, как только я вошел. Прозвучало не настолько плохо, чтобы годилось слово «бесцеремонность», но по его тону явно чувствовалось, что он говорит всего лишь со «школьником, а значит, недочеловеком».

- У нас дальше расширенный классный час, – добавил Кубодера-сэнсэй. – Но если тебе придется задержаться, то ничего страшного, так что можешь пообщаться спокойно.

Сразу после этого прозвенел звонок на шестой урок; Кубодера-сэнсэй передал меня и полицейских другому учителю и поспешно вышел.

В углу учительской стоял диванчик; на него я и сел, глядя на следователей. Учитель, которому пришлось с нами остаться, представился как «Ясиро, учитель по профорientации» и сел рядом со мной. Похоже, школа категорически не может оставить ученика одного в подобной ситуации.

- Вы знаете, что Санаэ Мидзуно-сан вчера скончалась? – продолжил Оба своим более-успокаивающим-чем-нужно голосом.

- ...Да.

- А обстоятельства ее гибели?

- Нет, в деталях нет. Просто знаю, что в больнице был несчастный случай.

- Понятно.

- А вы не читали сегодняшнюю газету? – вмешался Такеноти. Я молча покачал головой. Вдруг до меня дошло, что бабушка с дедушкой вообще не выписывают газет. И телевизор в тот вечер тоже никто не смотрел...

- Произошла авария с лифтом, – сообщил мне Такеноти.

Об этом-то я и так догадывался. Среди перешептываний, наполнявших класс, проскакивали такие слова. Но когда я услышал это официально, от следователя, мое тело все онемело от потрясения.

- В больничном стационаре рухнул лифт. Кроме потерпевшей, там никого не было. После падения она ударилась об пол; кроме того, от сотрясения с потолка лифта сорвалась стальная балка и упала на нее, – объяснил младший из следователей с оттенком превосходства в голосе.
- И, к несчастью для нее, прямо на голову.

- ...

- Причиной смерти послужил ушиб головного мозга. Когда ее забрали с места происшествия, она была без сознания. Врачи сделали все, что смогли, но в конечном итоге спасти ее не удалось.

- Аа, это... – робко начал я. – В этой аварии, эээ, было что-нибудь подозрительное?

Может, поэтому сейчас следователи работают, подумалось мне.

- Нет, нет, просто несчастный случай, – ответил следователь постарше. – Невероятно печальный несчастный случай. Но когда в больнице падает лифт, необходимо провести определенную работу – определить причину, установить ответственных лиц. Этим мы и занимаемся.

- ...А.

- Сотовый телефон Мидзуно-сан упал на пол упомянутого лифта. В списке звонков мы нашли ваши номер и имя, Сакакибара-кун. Более того, последний звонок был сделан около часа пополудни, именно тогда, когда произошла авария. Мы считаем, что вы последний человек, с которым она говорила.

Понятно. Теперь, когда они сказали это вслух, все стало очевидно.

Единственный человек на свете, который, вероятно, знал, что было непосредственно до и сразу после вчерашней аварии. Они поняли, что этот человек – ученик средней школы, с которым она говорила по телефону, Коити Сакакибара. И они были правы – я действительно слышал вчера, как это случилось.

Но не поздновато ли они пришли? Такая мысль у меня тоже возникла. Я, конечно, вполне мог представить себе, какой хаос творился вчера на месте происшествия, но все-таки...

По просьбе полицейских я рассказал все, что тогда было.

Как Мидзуно-сан позвонила мне вчера на большой перемене. Как сперва качество связи было нормальным, а потом все изменилось, когда она ушла с крыши в лифт. Как я почти сразу услышал ужасные звуки, потом стук, как будто телефон уронили, потом стон Мидзуно-сан, а потом связь прервалась. Все это, похоже, укладывалось в картину той аварии.

- Вы кому-либо рассказывали об этом?

- Когда это случилось, я понятия не имел, что происходит. Я пытался ей позвонить, но не мог дозвониться.

Изо всех сил пытаюсь сохранять спокойствие, я описал свои вчерашние действия.

- Но я подумал, что могло случиться что-то плохое, и пошел искать Мидзуно-куна.

- Мидзуно-куна?

- Такеру Мидзуно-кун, младший брат Мидзуно-сан. Он учится со мной в одном классе. Я рассказал ему, что услышал по телефону, но, по-моему, он не понял, что я хотел сказать, и просто отмахнулся...

«Ты вообще о чем? Ерунду какую-то несешь».

Так среагировал на мои слова Мидзуно-младший. Сердито, но в то же время озадаченно.

«И вообще, кончай забивать моей сестре голову всякой фигней. У меня из-за тебя куча проблем».

После этого единственное, что я мог сделать, – связаться с больницей.

Пост медсестер в больнице ответил, и я спросил про Мидзуно-сан. Но они тоже не смогли ее найти, как я и подозревал, а затем на том конце поднялась большая суматоха... Дальше, сколько я ни пытался дозвониться, получал только короткие гудки, и на этом мои возможности исчерпались.

– Она была на крыше, верно? – уточнил Оба. – Потом она вошла в лифт и... понятно.

Старший из полицейских закивал, делая записи в блокноте.

– Как вы думаете, из-за чего это произошло? – спросил я его.

– Это пока расследуется, – ответил младший. – Мы знаем, что лифт рухнул из-за обрыва троса. Существуют защитные приспособления, так что в норме такого происходить не должно. Но зданию больницы уже несколько десятков лет, и, похоже, в его конструкцию был внесен ряд ненужных модификаций. Упомянутый лифт находился в задней части здания, его так и называли – «задний лифт». Пациенты, конечно, никогда им не пользовались, и персонал, как правило, тоже.

– Сакакибара-кун, вы знали об этом лифте?

– Нет, никогда не слышал.

– В любом случае, помимо того, что лифт был очень старым, остается вопрос, осуществлялось ли его техническое обслуживание на должном уровне.

– Понятно.

– Это действительно был несчастный случай. И, поскольку произошел он в общественном месте, это, естественно, вызывает серьезные опасения. Все же гибель человека из-за неисправного лифта в наши дни случается крайне редко. Все, что можно сказать, – ей просто невероятно не повезло.

«Нам обоим следует быть осторожнее».

Опять у меня в ушах эхом отдались слова Мидзуно-сан, которые она сказала при нашей последней встрече.

«Особенно надо остерегаться несчастных случаев, которые обычно не происходят».

6

Когда следователи освободили меня от этого «добровольного допроса», прошло уже больше тридцати минут шестого урока.

Я вышел из учительской и добросовестно поспешил в класс, но, когда я туда пришел, меня

ждал сюрприз. В кабинете класса 3-3 не было ни одного ученика.

Осмотревшись, я увидел, что все сумки были на месте. Значит, дело не в том, что они закончили раньше времени и разошлись по домам. То есть...

Они все вместе пошли еще куда-то? Других идей у меня не было.

Идзуми Акадзава

Это имя было крупно написано посередине доски.

Идзуми Акадзава.

Довольно взрослая, напористая, яркая девушка. Она обладала женственной фигурой и всегда была окружена подругами.

...Полная противоположность Мей, да?

Я припомнил кое-что насчет Акадзавы, что мне врезалось в память.

В первый день, когда я пришел в школу, она отсутствовала. Потом, на следующий день, во время урока физкультуры... когда Юкари Сакураги, освобожденная от занятий из-за подвернутой ноги, подошла поговорить со мной...

«Надо сделать как следует, иначе Акадзава-сан рассердится...»

В моих ушах прозвучали слова, которые она тогда произнесла, как будто обращаясь к самой себе. Что она тогда имела в виду?

Потом – тот неожиданный звонок Тэсигавары.

«Звоню, потому как у тебя могут быть проблемы».

Так он тогда сказал, а потом еще добавил:

«Акадзава вся прям кипит. У нее того гляди истерика начнется».

– О, Сакакибара-кун.

Я обернулся на голос; там стоял Кубодера-сэнсэй. Он вошел в класс через заднюю дверь, будто следил за мной.

– Ты закончил общаться с полицией?

– Да.

– Понятно. В таком случае можешь идти домой, если хочешь.

– А. Ээ... а где все?

– Они на классном часе выбрали нового старосту среди девочек. Это Акадзава-сан.

– А...

Вот почему ее имя на доске.

- Эээ, а тогда где все?

Однако Кубодера-сэнсэй пропустил мой вопрос мимо ушей.

- Можешь идти домой, - повторил он. - Я уверен, что трагедия с Мидзуно-сан стала для тебя большим потрясением. Но ты не должен впадать в уныние. Все будет хорошо. Если все будут помогать друг другу, уверен, вместе мы преодолеем все преграды.

- ...Ага.

- Ради этого - согласен ли ты, - Кубодера-сэнсэй хоть и обращался ко мне, но глаза его смотрели не на меня, а на пустующую кафедру, - что необходимо подчиняться любому решению класса? Согласен?

7

На следующий день, в субботу, 6 июня, я пропустил школу, потому что мне необходимо было пойти в городскую клинику близ Юмигаоки. Если бы все было, как обычно, я, может, снова увиделся бы с Мидзуно-сан, но...

Как раз сейчас где-то в городе шла ее погребальная церемония... Думая об этом, я шел на свой осмотр в отделение респираторных заболеваний. Пожилой врач сказал необычно (для него) твердым голосом, что «мое состояние не вызывает опасений». Потом я направился в больничный корпус.

Я хотел хоть раз увидеть своими глазами то место, где произошла авария, унесшая жизнь Мидзуно-сан.

Как и говорили следователи, «задний лифт», который я искал, оказалось трудно отыскать - он находился в самой дальней части корпуса, у которого была довольно запутанная планировка. Кое-как мне все же удалось до него добраться, но, конечно же, непосредственно к лифту доступ оказался закрыт - проход перегородивало несколько желтых полицейских лент.

Почему Мидзуно-сан, молодая медсестра, в тот день зашла в этот лифт, которым персонал почти не пользовался? Просто привыкла на нем ездить? Или чисто случайно? Даже сейчас это оставалось неясно.

Я в одиночестве поднялся на крышу, воспользовавшись другим лифтом.

С самого утра было малооблачно и безветренно, воздух был влажноватый.

Я пошел от одного края пустой крыши к другому; мне казалось, что вот-вот меня окликнут: «Что случилось, мальчик-жутик?» Резко остановившись, я вытер платком пот с лица. А может, там и слезы примешались.

- Почему... Мидзуно-сан... - пробормотал я, сам не понимая, что хочу сказать. Внезапно на меня навалился груз пустоты, принесенной смертью, да так сильно, что, казалось, вот-вот он мне грудь раздавит.

Постепенно взяв дыхание под контроль, я прислонился к ограде и посмотрел на расстилающийся передо мной город Йомияма. Когда Рейко-сан пришла ко мне в больницу, она показала мне город из окна палаты; та картина туманно наложилась на теперешнюю.

Горная цепь вдали. Где в ней гора Асамидай? Вон там – текущая через весь город река Йомияма. За ней виднелся Северный Ёми...

...Вчера, придя в школу, я первым делом поймал Юю Мотидзуки и поговорил с ним.

– Куда все пошли на шестом уроке проводить классный час? – задал я вопрос, который меня интересовал. Ответ Мотидзуки прозвучал довольно-таки туманно.

– Мы говорили, ну и потом пошли в корпус S...

– Корпус S? Это где спецклассы?

– Там еще есть актовый зал, которым пользуются ученики. Вот, мы туда пошли и, ну, поговорили о всяком.

Поговорили? О чем? Ничего не понимаю.

– Я слышал, вы Идзуми Акадзаву выбрали старостой.

– А, угу.

– Там голосование было или что?

– Акадзаву-сан выдвинули. Все равно она уже была безопасником.

– Безопасником? – эта должность была мне незнакома. – Это что?

– О... ну, эээ, просто... – Мотидзуки долго копался в словах, пытаясь что-то ответить. – Ответственный за безопасность, есть у нас такое. Когда у класса есть какая-то проблема, безопасники думают, как ее решить. Кадзами-кун тоже этим занимается, но...

И это прозвучало как-то туманно. Чтобы поддразнить Мотидзуки немного, я сказал:

– Похоже, Миками-сэнсэй сегодня тоже нет, – и нарочно вздохнул.

Лицо Мотидзуки тут же помрачнело.

Этого пацанчика видно насквозь. То ли он слишком невинный, то ли еще что. У меня был дикий соблазн подколоть его еще: «Но тебя это не беспокоит, приятель?»

Не только Миками-сэнсэй – Мей вчера тоже весь день не было в школе. И еще один человек пропустил занятия – Икуо Такабаяси. Я припомнил, что и в первый мой день в школе его не было, как и Идзуми Акадзавы. Судя по всему, у него какие-то проблемы со здоровьем – даже когда он приходил в школу, физру пропускал. В любом случае, он держался замкнуто, и, хотя мы с ним в плане физкультуры были, так сказать, два сапога пара, я с ним почти не общался...

8

Я не смог найти в себе энтузиазм побродить по городу на обратном пути из больницы и потому направился прямо домой.

До меня вдруг дошло, что, со всеми этими событиями, я уже две недели не общался с отцом. Нужно будет ему позвонить сегодня вечером или, может, завтра. Я расскажу ему, что происходит, и воспользуюсь случаем, чтобы порасспрашивать немного о смерти мамы

пятнадцать лет назад... Об этом я раздумывал, когда –

Около двух часов дня я добрался до дома бабушки с дедушкой в Коикэ и, едва увидев ворота, мысленно вздохнул.

Возле ворот в гордом одиночестве слонялся парень в летней форме средней школы. У него был какой-то нерешительный вид... он то смотрел на дом, то кидал взгляд на небо, то опускал глаза. Мне даже приглядываться к нему не пришлось, чтобы понять, кто это.

– Что ты тут делаешь? – спросил я его, и он от неожиданности чуть не подпрыгнул. Повернулся ко мне, тут же смущенно отвел глаза. Потом попытался было уйти, не произнеся ни слова, но я остановил его, жестко сказав:

– Стой. Что происходит? Ты же зачем-то сюда пришел, да?

Это был Юя Мотидзуки.

В итоге он не сбежал, но, даже когда я направился к нему, упорно смотрел в сторону, ежился и молчал. Подойдя вплотную, я заглянул ему в лицо и зарядил следующий вопрос:

– Так зачем, Мотидзуки-кун?

Лишь тогда он наконец ответил:

– Я просто, ну, беспокоился. Мой дом тут недалеко, и я подумал, что, может, это...

– Беспокоился? – саркастично переспросил я, склонив голову набок. – И что же заставило тебя обо мне беспокоиться?

– Аа, ну... – Мотидзуки нахмурил свои тонкие, девчачьи брови и, неуверенно глядя на меня, тихо сказал: – Тебя опять сегодня не было в школе, Саакибара-кун.

– Мне на утро назначили осмотр в поликлинике.

– А... но все равно, эээ...

– Ты собираешься так и стоять тут снаружи? Давай зайдём на минуту, – небрежным тоном пригласил я его.

– Э?... Мм, ладно. Но всего на минуту, – согласился Мотидзуки, и по его лицу было непонятно, то ли он улыбнулся собиравшемуся, то ли заплакать.

Бабушка, похоже, поехала куда-то: черного «Седрика» в гараже возле входа не было. Дедушка, скорей всего, был с ней. Я подумал, что Рейко-сан, возможно, в своем домике, но решил не сообщать ей, что пришел.

Я провел Мотидзуки вокруг дома на задний двор, где было крыльцо. Я знал, что ведущая туда стеклянная дверь днем не запирается. Немыслимая по токийским меркам беспечность... нет, следует, пожалуй, списать это на мирную атмосферу.

Мы сели рядышком на краю крыльца, и Мотидзуки тут же затараторил, словно наконец решил выплеснуть все.

– Саакибара-кун, ты наверняка с того самого времени, как перевелся в Северный Ёми,

думаешь, что тут творится много всякого странного.

– Значит ли это, что ты решил мне все объяснить? – мгновенно контратаковал я, и Мотидзуки тут же увял.

– Ээ... в общем...

– Я так и думал, – заявил я, мрачно глядя на него искоса. – Может, все-таки скажешь, что за ужасную тайну все от меня скрывают?

– Это...

Мотидзуки вновь замолчал и на этот раз молчал довольно долго.

– Извини. Видимо, все-таки я не могу тебе рассказать. Просто...

– «Просто» что?

– Скоро может кое-что произойти, и тебе это покажется очень неприятным. Вообще-то это плохо, что я с тобой об этом говорю, но... не сказать я просто не мог.

– И что это значит?

– Позавчера мы... вроде как поговорили... и вот.

– Ты про тот классный час на шестом уроке? Когда все пошли в актовый зал?

– ...Ага, – Мотидзуки виновато кивнул. – Мы знали, что ты задержишься, потому что разговариваешь с полицией, и тогда появилась эта идея. Акадзава-сан и еще кое-кто сказали, что надо поговорить без тебя. И лучше куда-нибудь пойти, чтобы не было проблем, если ты вдруг придешь в неподходящий момент.

– Пфф.

Стало быть, Кубодера-сэнсэй в этом тоже участвовал.

– ...И?

– Я больше сказать не могу, – Мотидзуки опустил глаза и тихо вздохнул. – Но если даже после этого тебе будет плохо... нужно, чтобы ты с этим примирился.

– Что вообще за дела?!

– Просто скажи себе, что это для общего блага. Пожалуйста.

– Для общего?... – и следом я произнес фразу, которая тут же пришла на ум: – Значит, это решение класса, которому я обязан подчиняться?

– ...Да.

– Хмм... как-то это...

Я встал с крыльца и потянулся, запрокинув голову к небу с малочисленными облачками. Мне бы очень не помешало «Бодрее!» в исполнении Рей-тян, но именно сейчас она

(...предположительно) сидела в клетке молча.

- Ладно, тогда больше тебя расспрашивать не буду, - я снова повернулся к Мотидзуки. - Но можно попрошу кое о чем?

- О чем?

- Мне нужен список класса.

Мотидзуки при этих словах явно удивился, но тут же понимающе кивнул.

- Ну да, тебе же его так и не дали, да, Саакибара-кун?

- Угу.

- Тогда тебе и меня не стоит просить -

- Слушай сюда, пацан, - перебил я. - Мне видней, что мне стоит, а что нет, у меня тут, понимаешь, тяжелые душевные переживания; так что...

Мотидзуки открыл было рот, чтобы что-то ответить, но тут из сумки, лежащей у него на коленях, раздался тихий электронный звук. Мотидзуки ойкнул и открыл сумку. В следующую секунду в руках у него появился серебряный телефон.

- Не знал, что у тебя есть мобильник.

- Ну... на самом деле это PHS, - ответил он, прикладывая трубку к уху. И буквально через мгновение пораженно выкрикнул: - Он что?!

Интересно, что случилось. Увидев, как кровь отливает от лица Мотидзуки, по-прежнему держащего трубку возле уха, я приготовился к чему угодно. И вот наконец -

- Это был Кадзами-кун, - сказал Мотидзуки невнятным тихим голосом, будто услышанное его раздавило. - Он сказал, что Такабаяси-кун умер. Дома, от сердца...

9

Икуо Такабаяси.

У него с раннего детства было слабое сердце, и он часто пропускал школу. За последний год его состояние значительно улучшилось, но в последние два-три дня ему резко стало хуже, и в конце концов случился сердечный приступ, который его убил.

Внезапная смерть одноклассника, с которым я почти не общался, произошла совсем скоро после гибели Мидзуно-сан в больничном лифте. Эти двое стали «жертвами июня» в классе 3-3.

<http://tl.rulate.ru/book/89941/2883797>